

От редактора

Когда я был маленьким, мой отец раз в год уходил из дома... Он собирал рюкзак, спальный мешок, запас еды, какие-то еще необходимые вещи, и мы его больше не видели... до позднего вечера следующего дня. Так случалось каждую весну, в первую субботу после первой пятницы апреля. Отец встречался с однокурсниками. Это было большое дело, к которому следовало заранее готовиться – обмениваться письмами с заинтересованными лицами, запастись едой и «вредными для здоровья» жидкостями. Встречи были длинные и обстоятельные. Бывшие однокурсники за трапезой разговаривали много часов подряд. Важен был не сам факт встречи, а эти многочасовые беседы – надо было понять нечто очень важное, что происходило в жизни каждого – и всех вместе.

Так продолжалось и когда я вырос, до самой смерти отца. За все сорок лет на эту встречу он не пришел один или, может быть, два раза. Он приходил говорить и слушать. И слушал разное, в том числе и стихи. Сейчас стихи читают меньше, еще меньше их пишут. Или, скорее, наоборот, меньше и хуже пишут, и еще меньше читают. Поэзией на курсе моего отца «заведовал» А. В. Кессених – он читал и сочинял стихи и поэмы, он успешно «боролся» со всяческим художественным словом, он принимал самое живое и созидательное участие в постановке знаменитых «физических опер». Этот уникальный и удивительный жанр познания действительности возник на физическом факультете Московского университета, где А. В. Кессених и мой отец учились с 1949 по 1954 гг. А это означает, что Кессених был среди самых близких друзей нашей семьи. И поэтому нынешний его юбилей – это прежде всего мое глубоко личное дело. Но не только.

Профессиональная траектория А. В. Кессениха получилась довольно замысловатой. Он начинал как физик, потом переквалифицировался в химика, потом пришел в ИИЕТ. Этот последний поворот случился в какой-то мере и при моем участии. В начале 90-х мы готовили для журнала ВИЕТ подборку публикаций, посвященных истории студенческого фольклора – своеобразного и самобытного жанра. Появление А.В. Кессениха в редакции ВИЕТ предварило публикацию материала о первой постановке на физфаке МГУ оперы «Дубинушка». Почти сразу поднялась дискуссия, имеет ли отношение студенческий фольклор к истории изучаемой студентами (или создаваемой ими по окончании) науки? Однако разговоры в редакции не ограничились «физическим искусством»: речь зашла и об истории изучения электронного парамагнитного резонанса и о роли Е. К. Завойского в его открытии. Но эта тема маячила в далекой перспективе. Второй публикацией А. В. Кессениха в ВИЕТ стал комментарий к поэме Герцена Копылова «Евгений Стромынкин».

Мне вместе с редколлегией и редакцией нашего журнала очень отрадно сознавать, что сейчас, в свой 75-летний юбилей, Александр Владимирович переживает новый расцвет своей творческой активности. На этот раз поглощенный решением проблем, отчасти поставленных во время того первого разговора в редакции ВИЕТ. Мы все желаем ему счастья и здоровья и с нетерпением ожидаем его новых трудов.

Д. А. Баяк

А. В. КЕССЕНИХ

МЕМОУАРЫ В СТИХАХ

УДАЧА¹

Сакраментальную задачу
Решил я в жизни не одну.
Чего-то стою, что-то значу
И воз не маленький тяну.

И про себя мне все известно:
Что я сумел и что сложил.
И получил, признаться честно,
Примерно то, что заслужил.

Я получал, давал я сдачу,
Но не был счастлив я вполне.
Еще б чего-нибудь в придачу,
Судьба, ты подарила мне.

Как снег зиме, как травы лугу
Или как морю – берега,
Мне дай удачу, не заслугу,
Удача больше дорога.

Ты для заслуги потрудился,
Начальство ценит и друзья,
Но в том, что ты на свет родился,
Заслуга вовсе не твоя!

Всю жизнь твою переиначая,
Да так, что светишься ты весь,
Полюбит женщина – удача,
Какая уж заслуга здесь!

Она тебе рождает сына,
И новым смыслом жизнь полна.
Твоя ль заслуга в том причина?
– Удача только лишь одна!

Когда в кругу друзей сердечном
За стол я праздничный сажусь,
Хвалюсь заслугами, конечно,
Но лишь удачами горжусь.

Мне говорят: удача – случай,
Для тех, кто смел и кто умел.
Оно и так. А все же лучше,
Когда б и я ее имел.

Работай, ставь себе задачи.
И заслужи и победы.
Но, главное, – ты жди удачи,
А как придет – не подведи!

1974

БЫТЬ ФИЗИКОМ²

Быть физиком.

Но что же это значит?
Быть физиком – наивный бред юнца.
Как Дон Кихот он на Природу скачет,
Готовый с ней сразиться до конца.

Сперва мечтай,

Однажды ранним летом
Ступай во храм на Ленинских горах,
Где Лебедев и сумрачный Столетов
Внушат тебе благоговейный страх.

Где тень великая являлась Архимеда,
Где Бор с Ландау встали рядом с ней.
И трепет неосознанный изведай
В присутствии пророческих теней.

Но между тем исполнится надеждой,
Твоя неискушенная душа
Быть физиком.

Признай себя невеждой
И постигай ученье не спеша.

Быть физиком,

Шагать не в ногу с веком,
А быть всегда немного впереди.
Быть физиком ?

– Быть просто человеком
И то дано не каждому, поди.

Заданья списывать,

Ходить на семинары,
На практикум. На лекциях зевать.
Лишаться сна,

Хватать неожиданно пары,
До умопомрачения уставать.

Вдруг затевать о мироздании споры,
Великие проблемы завершать...
Иметь диплом. Налаживать приборы.
И уравнения численно решать.

Быть физиком. – Об искушении этом
И с гордостью и с грустью

Вспомнишь ты...

Быть физиком,

Как будто быть поэтом.

Уже не быть, но не забыть мечты.

И даже быть.

В той роли быть актером,

Чиновником, редактором, дельцом,

В проекте X начальником матерым,

Влиятельным в инстанциях лицом.

Или не так, –

Стать скромным педагогом,

В себе не сбывшись, –

Перейти в других.

Быть физиком и не мечтать о многом,

Быть физиком,

Хоть в ком-нибудь из них.

Быть физиком...

Как-будто быть поэтом!

Решайся,

Но на свой лишь риск и страх.

И все же, все же, все же ранним летом

Ступай во храм на Ленинских горах!

1980

ЖАЛОБЫ УЧЕНОГО³

Разведу-ка спирт этиловый

Я водой некипяченою

За житьё-бытьё постылое

Эх, советского ученого.

Всё по выставкам я шастаю,

Всё вздыхаю по приборчикам,

А приборчик заграбастаю, –

Рад бы бросить под заборчиком.

А буржуи густопсовые

Всё выдумывают разное:

То трехсотмегагерцовое,

А то вовсе несуразное.

Так кручинится, печалится

Голова моя бедовая...

Вот начальство раскачается,

Раздобудет где-то доллары.

Понесут зануды-химики

Ампул двадцать в день – не менее.

Это, брат, тебе не финики –

Доведут до посинения.

И с прибором всякий мается,

Удовольствий – полной порцией:

Всё что может – всё ломается,

Что не может – просто портится.

Был я химиком и физиком,

Слыл культурненьким и чинненьким.

Стал маньяком я и шизиком,

Грубияном, матерщинником.

А ведь был я не калекою!

Где теперь надежды мамины?

Академик звал коллегою,

Как сдавал я госэкзамены⁴.

Два отрадные есть случая

В жизни каждого ученого:

Конференция научная

И бутылочка казенного.

Где-нибудь у моря южного,

От столицы в отдалении

Приведут меня недужного

Вместе с другом в отделение⁵...

«Совершили нарушение» –

Старшина вздохнет печальненько.

Но как можно задушевнее

Обратимся мы к начальникам.

Если есть вина, которая,

Та давно уже искуплена,

По подвалам за приборами

Наша молодость погублена.

Мы ведь этак с детства маемся,

С горя пьем, не для амбиции...

ЯМР-ом занимаемся...

И отпустит нас милиция.

1968

*С. Н. Гуреевой и Наденьке***КОГДА УХОДИТ ПАРОХОД**

(послевоенная баллада)

Первая послевоенная весенняя сессия... Семья доцента погибла в Ленинграде. В последний день экзаменов он долго не мог отпустить самую красивую в группе студентку. К тому же она прекрасно отвечала, и ей это не составляло труда.

...Но за дверью нервно шумела уже освободившаяся группа.

Доцент знал, что их тревожит, посмотрев на часы, он вздохнул и спросил у нее: «А когда уходит пароход?»

Была беда, была война
И жизнь прервалась не одна,
Была зима тревог полна,
Но наконец пришла весна.

Прощайте, больше не могу
Я с вами быть на берегу,
Когда уходит пароход,
И вверх по сходям я бегу.

И в лес зеленый кутерьмой
Ворвутся наши голоса,
И вспыхнет солнце за кормой,
И вспыхнут девичьи глаза.
И даст судьба обратный ход
От всех забот, от всех невзгод,
И возвестит нам трубный глас
Веселый и желанный час,
Когда уходит пароход.

Еще немало трудных лет
У нас с тобою впереди,
А легких, в общем, вовсе нет,
Но ты в глаза мне погляди.
Пусть гремит над лоном вод
Мотив сентиментальный тот,
Когда уходит пароход,
Когда уходит пароход.

1981–1996

**ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОВОЩНОЙ
БАЗЕ 1971 ГОДА**

Не торопи меня, стой,
Припомним, старый друг,
Про пресловутый наш застой, –
А он пришел не вдруг, –
И вот однажды в первый раз
Послал партком любимый нас
Грузить на базе лук.
И разгружали мы вагон
С обеда до шести,
Сначала был я столь силен,
Что мог мешок снести.
Потом почуял тяжесть в нем,
Уже потом – несли вдвоем,
В конце я сдох почти.
Что лук ядрен и золотист,
Через часок узнал
О том любой специалист,
Весь местный персонал.
И даже милиционер
Нагрёб корзину, например,
Чем нас и доконал.
И дружно мы решили тут
Свой тост провозгласить
За наш весьма ударный труд
И луком закусить.
Минут за тридцать до конца
Послали в магазин гонца
Слегка сообразить.
Купить бутылок пару штук, –
Понятные дела,
И хлеба черного под лук,
Чтоб хорошо пошла.
Еще наказ гонцу был дан –
Один на всех купить стакан,
Чтоб пить не из горла.
Внезапный сумрак сентября,
Как занавес упал.
И, времени не тратя зря,
Я поднял наш бокал.
А позади из темноты
Шумели пыльные кусты,
В них ветер лепетал.
Светилась станция вдали
И, как по счету «раз!»,
Вагоны с грохотом пошли
Должно быть на Донбасс.

И тост мой замер на устах,
 Пока грохочущий состав
 Летел чуть ниже нас.
 ...Но задушевный разговор,
 Который назревал,
 Начальник патруля – майор
 Безжалостно прервал,
 Он светом выстрелил в упор
 И нас лучом к кустам припер,
 И громко: «Стой!» – воззвал.
 Свет озарил событий суть,
 И жизни путь крутой,
 Но здесь стоял не кто-нибудь,
 А цвет науки той –
 Наш славный трудовой десант:
 Мой аспирант, мой лаборант,
 Коллега старый мой.
 Осознавая ход вещей,
 Майор отвел фонарь,
 И дал команду: «Ну-ка пей,
 И прочь отсюда шпарь!»
 И обошел стакан наш круг,
 И быстро мы доели лук,
 Как мы умели встать.
 Полезен лук от ста недугов,
 А труд совместный – спор.
 Те, кто тогда грузили лук,
 Все живы до сих пор.
 Но как мне жаль, что с вами я,
 Мои коллеги и друзья,
 Не кончил разговор.
 О как я вас тогда любил,
 С чем хочешь соизмерь, –
 Я также сильно вас любил,
 Как и люблю теперь.
 А время не вернется вспять,
 И нам не встретиться опять,
 И много ждет потерь...
 Но, всем летам наперекор,
 Вы навсегда со мной
 Мой аспирант, мой лаборант,
 Коллега старый мой...
 И вы, торжественный майор,
 С карманною луной!

1986–1996

МАКСИМА ГНОСЕОЛОГИИ

Мудрец, дерзнувший вопрошать натуру,
 Что хочешь знать, о чем и для чего? –
 Вникай во всё, в одно не влипни сдуру:
 Искать Всеобщую теорию Всего.

МАКСИМА ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА

Под бравурных маршей фальшивые звуки
 На палубе нашей великой Науки
 Метаться не станем, стенанья творя, –
 Ведь мы – не Титаник, а гордый Варяг!

ПАРАФРАЗА С. ЕСЕНИНУ

Как мало пройдено дорог,
 Как много сделано ошибок,
 Но я, зато, себя сберег
 Для тихой жизни, для улыбок.

ПАРАФРАЗА Б. ПАСТЕРНАКУ

Кому охота след по следу
 Ползти нам вслед за пядью пядь...
 Нет, поражение от победы
 Ты сам обязан отличать!

ДРУЗЬЯМ ИСТОРИКАМ

(А. С. Сониному)

Вы любите Историю,
 И смысл её, и вздор её.
 Знакома вам История,
 Та самая, которая
 И доблестью и подлостью
 Свершается и полнится.
 Пусть воину и физику
 Тут монументы высекут,
 Но их пути неторные
 Восславит лишь История.
 Её давно оплакали,
 От дёгтя ли, от лака ли
 Она не отмываема
 И плохо узнаваема.
 Продажная, прожжённая,
 Навеки оглушённая
 Фанфарами и трубами
 И окриками грубыми...
 Любите же Историю
 И соль её и сор её!

Примечания

¹ Это стихотворение имеет непосредственную связь с моей научной биографией. В те годы во многих лабораториях с помощью нашего метода – ЯМР – было обнаружено влияние магнитного поля на направление химической реакции. Качественно картина была ясна и уже подтвердилась на опытах. Причина явления в том, что квантовые состояния сталкивающихся пар свободных радикалов определяют либо преимущественную вероятность рекомбинации двух радикалов с электронными спинами $1/2$ (синглетное состояние с противоположными ориентациями спинов), либо, напротив, диссоциации пары – при триплетном ее состоянии (с параллельными спинами). В то же время внутренние магнитные взаимодействия определяют относительные амплитуды синглета и триплета к моменту столкновения партнеров, т. е. выходы продуктов рекомбинации и диссоциации. В нашей лаборатории мы работали с примитивными реакциями и не имели возможности строго задавать условия. Мы попросту не видели этих тонких эффектов (доли процента, редко проценты), которые уже были фиксированы, скажем, в Новосибирске. И вот мой коллега Станислав Рыков поставил смелый эксперимент. Реакция была с термическим разложением органической перекиси в растворе, она грозила взрывом и выходом из строя важнейшего узла спектрометра, но страх этот был нам в привычку. В однотипных ампулах он разложил одинаковые порции того же самого раствора в поле (в приборе, где был свой термостат) и вне магнитного поля в другом термостате (измеряли интенсивности сигналов ЯМР тем же прибором). Троекратное повторение давало сногшибательную разницу в выходе продукта вторичной рекомбинации – почти в десять процентов! Мы возликовали и стали придумывать объяснение, каким образом в этих конкретных условиях могут быть превзойдены уже известные теоретические оценки. В конце концов это же опытный факт, решил я сначала, и осознал результат как долгожданную удачу, которой достоин любой трудящийся человек. Буквально в один вечер я написал стихотворение «Удача». А вечером следующего дня я, оценив свои поэтические труды, спокойно так подумал об одной очень простой вещи: дорогой Станислав Витальевич проводил реакции термического разложения в разных термостатах. А это значит, что хотя конечные температуры были строго одинаковы, но средние температуры – разные. В одном случае нагрев шел медленно, а в другом (вне поля в водяной бане) очень быстро. Зависимости же скоростей реакции от температуры очень сильны: десять градусов разницы и реакция идет уже в два-три раза быстрее (и по-разному для разных реакций!). Следующим утром я попросил Рыкова вынуть термостат прибора из магнитного поля и убедиться, что влияет именно термостат, а вот присутствие магнитного поля в пределах нашей точности ни на что не влияет. А стихи, отразившие ликование от мнимой удачи, уже были написаны! Вот «...из какого сора растут стихи, не ведая стыда!»

² Это стихотворение навеяно воспоминаниями Николая Константинова, нашего курсника и великого энтузиаста работы с талантливой молодежью, о физфаке МГУ и оперном творчестве физиков. Его слова: «Но есть еще факультет, где все помечены одной печатью, – печатью мечты о несбыточной прекрасной жизни – Физике...». Или вот: «Один мой однокурсник, когда был школьником, мечтал заниматься природой света. Мечта засохла. Он не нашел на факультете ничего, что искал, и о свете знает столько же, сколько до поступления».

³ Более правильным было бы название «Жалобы ЯМРщика» – это о тех, кто занимается ядерным магнитным резонансом и его химическими приложениями.

⁴ Госэкзамен у меня принимал Л. А. Арцимович. Правда, коллегой он меня не звал, а просто отметил мой ответ в числе лучших.

⁵ Что-то похожее (ну, конечно, не в такой степени) было в 1968 г. в Севастополе на I Всесоюзной школе по магнитному резонансу.

ВОЖДЬ ИДЕТ НА ФАКУЛЬТЕТ

(поэма самообслуживания)

Тот, кто утром намечает
 На работу выйти в срок,
 Вставши радио включает
 Под гимнастики урок.
 На часы теперь не глядя,
 Можно дальше темп держать.
 Время нам подскажет дядя,
 Как придет пора бежать.
 После всех команд зарядки
 Для больших и для ребят
 Есть пяток минут разрядки
 Перед тем, как затрубят ¹.
 Информаций к размышленью
 Будет выдан вам букет.
 Можешь слушать объявленья,
 Поглощая свой омлет.
 Ты услышишь про путевки
 (Это, впрочем, не для нас)
 И какие постановки,
 Где идут в вечерний час.
 Где-то выставка открыта
 (Это тоже для других),
 В магазине есть корыта
 Или ванны, как там их.
 Берегись на всякий случай
 И не лезь под автокран.
 Помни, нет закуски лучшей,
 Нежли паста «Океан».
 Нет до Сходни электрички
 От двенадцати до трех,
 И опять в Политехничке
 Про надежность будет треп ².

Век суровый, век двадцатый,
 Вот знамение твое!
 О, надежность, как нужна ты...
 Как нам трудно без нее.
 Нам нужна надежность в цели,
 В мыслях и в друзьях своих,
 В наших детях, в нашем деле
 И, конечно, в нас самих.

Ну а в жизни – даже стенка
 Ненадежный элемент,

Кто учился по Гнеденко,
 Тот поймет меня в момент.
 Кто там знает, как там будет
 Два-три года погода,
 Как история рассудит, –
 Лучше спросим у Вождя ³.
 Скажет Вождь: «Оставь заботу,
 Будешь ты, как должно быть,
 В ту апрельскую субботу ⁴
 Песни петь и водку пить.
 Будешь вновь в кругу студентов,
 Где нальют и подпоют,
 Девяносто пять процентов
 Здесь гарантии дают.
 Все итоги подытожишь,
 Шелуху растеребя,
 Если сам ты пить не сможешь, –
 Значит, выпьют за тебя».
 Что же, Вождь за то и прозван
 Старшиною и Вождем.
 Целый год живем мы розно,
 Но на зов его придем.
 Ну-ка, милые, скажите
 В кабинете номер шесть ⁵,
 В этом факте и событии,
 Какова надежность есть?
 Все пути – за вехой века –
 Положите на весы,
 И назад на четверть века ⁶
 Прокрутите-ка часы.

Кем за это время стали,
 Ну а кем могли бы стать? –
 Вот Вождю на руки дали
 И медаль, и аттестат.
 А иметь в вечерней школе ⁷
 Это самое добро,
 Даже с полной силой воли
 Было все-таки хитро.
 Может где-то в пятом знаке
 У него другой уклон,
 Но, однако, на физфаке
 Задержал свой выбор он.

В этот год сорок девятый
 Было все совсем не так,
 Даже просто аттестаты

Не считались за пустяк.
Разве только каждый третий,
В крайнем случае – второй,
Одолел вершины эти,
И, считалось, был герой.
Но зато, уж если кончит,
То считалось ясным тут,
Раз окончил, – то проскочит
Хоть в какой-то институт.
Даже с тройками гадали,
Выбирали, кто – куда,
Ну, а если при медали –
Тем и горе не беда ⁸.
Все ж, однако, проникали
Кой-куда не без препон,
И комиссии вникали:
Кто такой, откуда он?
Так-то так, но был вдобавок
И неписанный закон:
Из одних анкет и справок
Делать вывод не резон.
Ты ступай, пособеседуй,
Годен, нет ли – покажи,
Непосредственной беседой
Ты начальство ублажи.
И не так уж непреложен
Этой встречи результат.
Вдруг решат, что ненадежен
Золотой твой аттестат.
И от пятого до прочих
Пунктов памятных анкет ⁹
Что-нибудь тебя порочит,
Или знаний вовсе нет.
Что касается до знаний,
Этот пункт труднее всех.
Результат любых дознаний
Краток: в знаниях огрех.
Всем известно хоть шутейно,
Общий применив закон,
На экзамене Эйнштейна
Вдрызг засыпал Эдисон.
Я к тому, что те законы
Приспособлены, поди,
Не к таким, как Эдисоны
И Эйнштейны и – Вожди.
Вот бы выступил, пожалуй,
Некий шустрый педагог,
А потом – ступай, обжалуй –
Дескать, гибнет наш Сапог.

Дескать, зря законы эти,
Дескать, нашего не трожь,
Мол Сапог на факультете,
А к нему бы нужен Вождь.
Потому и ненадежен
Был сначала этот факт.
Будет Вождь – Сапог возможен...
Вождь собрался на физфак!
Из карманчика спецовки
Он бумагу достает,
В пояснение обстановки
В руки мастеру дает ¹⁰.
«Ни к чему нам документы,
Ты не суй бумажку ту.
Так и быть, ступай в студенты,
Помни нашу доброту.
Ты-то должен отличиться,
Далеко еще шагнуть.
Если ты пошел учиться,
То не будь там кем-нибудь.
И опять же, для возврата
Не закрытый этот путь,
Если будет туговато
На стипендию тянуть».

...В этот год еще тянулись
Многих прошлых бед концы.
И с войны не все вернулись
И от прочих мест отцы.
Незабытые утраты
Коммунальный быт в домах,
И не так еще богато
Было в наших закромах.
Но держите на учете,
Что тогда из всех наук
Были физики в почете
Из-за очень важных штук.
Вслух тогда и не звучало,
Разве только тет-а-тет,
Бомбы атомной начало
Вместе с замыслом ракет.
Потому, как исключенье,
Был для физики резон
Не попасть как лжеученье
Под критический разгон ¹¹.
Был у строгого начальства
За наукой глаз да глаз,

Только физикам нахальство
С рук иной сходило раз.
Все ж другие были биты,
Мало кто остался чист.
То одни – космополиты,
То другой – идеалист.
То биологам вломили
За проклятый морганизм,
Дескать, геном подменили
Весь здоровый организм.
Дескать, сдуру порицают
Диалектики учет,
Почему-то отрицают
Что на дубе клен растет,
И, добавим к огорченью,
В свете этих строгих мер
Был физфак не исключенье,
А скорее, – как пример.
Скажем, хоть Ландау – гений,
И известен в мире Тамм,
Но проникнуть в эти сени
Было им трудней, чем нам.
После было – как студенты
Шум об этом развели.
В ландуистские агенты
Нас тогда произвели.
То уж будет в зданьи новом,
Там на Ленинских горах.
Обращением суровым
Нас начальство вгонит в страх ¹².
А потом еще немного,
Даже года не пройдет,
И к Сапожному порогу
Ядулла ¹³ нас приведет.
Будем бегать на зарядку
Под командой старшины,
По привычному порядку
Станут «госы» не страшны ¹⁴.
Много всякого случится,
Но грядущий день во тьме.
Кто там на физфак стучится?
Двух пускаем – шесть в уме...
На физфаке, в старом зданьи,
Где теперь сидит Арманд ¹⁵,
Был чулан для заседаний,
Чуть побольше, чем карман.
Хоть по мерке современной
Был чуланчик «тьфу», да «фэ»,
В расписание внесенный

Под названием КаБэФэ.
Коридорчик этот старый
С потолком наискосок
Отдан был под семинары,
Тесен был и невысок.
Там лентяев наставляли
На собраниях и бюро,
Там и нам не раз вставляли
В место оное перо.
Здесь с Татьяною прекрасной
Раз вечернею порой
Был и Коля несчастный,
Нашей оперы герой.
«Что ж, начнем? Начнем, пожалуй! ¹⁶»
Это будет все потом.
Нынче ж, хоть казни, хоть жалуй,
Дапусти нас в этот дом.
Мы еще не знали сдуру,
Что попасть легко сюда.
В КБФ на процедуру
Мы с волнением шли тогда.
Медалистов вызывали
В КБФ по одному,
И вопросы задавали,
А какие – как кому.
Потому для многих славных
Был тот путь судьбою дан,
Коль они из православных
Или там из мусульман... ¹⁷
Вытер Вождь о ветошь руки,
Прямо от станка попер
В этот самый храм науки,
То есть – в данный коридор.
Вот идет он, а не знает,
Что немного погода
Весь Сапог его признает
Как великого Вождя.
Он не знает, вероятно,
Вообще про тот Сапог.
Знал бы, может быть, обратно
В цех родной вернуться мог.
Он идет, еще не веря,
В то, что он – не хуже всех.
Повернул бы вспять от двери,
Если б знал про свой успех,
Если б кто-нибудь на горе
Прокрутил ему в кино
Это поприще, что вскоре
Проходить ему дано.

Показал бы все канальство,
Всю лихую дребедень
От коллег и от начальства,
И от всех, кому не лень.
Все, что будет непреложно
Выносить на свете он,
Раз решил неосторожно
Класс покинуть гегемон¹⁸.
Кто Аллаху¹⁹, как о чуде,
Слал моление о нем:
Вождь! Ведь мы же – тоже люди,
Мы ведь тоже водку пьем!
Вот Михайло Ломоносов –
Ажник шел от Холмогор,
И от этаких вопросов –
Вдруг назад, на отчий двор?
А ему не те достались
Шпильки, что ни говори,
Дураки еще остались,
Да повымерли цари.
Лишь на стенке царь усатый
Довисает за вождя,
Он развесистой цитатой
Нас огреет уходя.
Ты его не слишком бойся,
Сочтены его часы,
Отрастим, не беспокойся,
Мы еще свои усы²⁰.
Но Аллах спокоен ныне,
Мы не шлем ему мольбы.
Верим мы в своей гордыне,
Что творцы своей судьбы.
А меж тем на всей планете
Происходит кавардак,
Наши судьбы на планшете
Крутит дьявол так и сяк:
То ль с другого континента
Бомбой атомной поддать²¹,
То ли нас пустить в студенты
И покамест обождать.
А в Москве в разгаре лето,
От гаданий малый прок,
И к ступеням факультета
Вождь приходит точно в срок.
Он идет без задней мысли,
Просто счастья попытать,
По пути о жизни смысле
Потихоньку помечтать.
Вот, как станет он студентом,

Будет он, бедняга, знать,
Как с гнилым интеллигентом
В смысле смысла толковать.
С тех времен, как жил в России
Достославный Гостомysl.
Наши мелкие витии
Все вникали в этот смысл.
Перекладывали жвачку
Из-за щек, да за щеку,
Кто всерьез, а кто в подначку,
В смех вгоняя и в тоску.
...Кто ж, фортуны воплощение,
На физфаке загодя
Ждет, чтоб вынести решение,
Даровать ли нам Вождя?
Из начальственных медведей,
Возглавляющих прием,
Мы его называли Федей²²
(Но не путайте с Вождем!)
Мы открыть пока не можем
Вам его инкогнито.
И о чине не доложим,
И не скажем точно, кто.
Если кто-то из потомства
Хочет на физфак пролезть,
Шансы личного знакомства
У бедняги с Федей есть.
Только мало вероятно,
Я скажу начистоту,
Чтобы сколь-нибудь приятно
После вспомнить встречу ту.
Федя – парень, крепкий корнем,
Как целинный тот осот.
Перепашем, взроем, дернем,
Глядь, – а он опять растет.
С этой пахотой науки
Надо вывод сделать тут,
Что еще и наши внуки
На физфак не попадут²³.
Вот у двери Вождь страдает,
Даже хочет уходить,
Там кого-то убеждают
И не могут убедить.
Вождь! Не двигай на попятный,
Потерпи еще, постой.
Ты вопрос не слышал пятый,
Ну, а этот – был шестой²⁴.
Тот клиент краснее меди
И трясется, словно лист...

По шестым вопросам Федя
 Был большой специалист.
 Феде с этими – забота,
 Знают все, что б я так жил.
 Но с десятого захода
 Федя парня приложил.
 Планомерно наступленье
 Вел он с хитростью лисы
 И поймал: Определенье
 Дайте точки мне росы²⁵.
 Видно сразу, что попался.
 Не испытывай судьбу!
 Наконец-то закопался.
 Все, каюк, роса на лбу.
 Федя сам взопрел не в меру.
 Все ж работа – не пустяк.
 Хоть натасканы к примеру
 Все они. Но чтобы так!
 И довольный тем моментом,
 Вкось улыбкою скользя,
 Федя молвил: Документы,
 Дескать, можно там-то взять.
 И заметно утомленный
 Федя сладостно зевнул
 И с улыбкой благосклонной
 В дело новое взглянул.
 Оглядел Вождя пристрастно.
 Сразу видно – не еврей.
 От станка? Ну что ж, прекрасно!
 К делу надо бы скорей.
 Тут сидящий рядом с Федей
 Мелкотравчатый партнер²⁶,
 Наподобие медведя,
 Вдруг с услугою попер.
 Не скрывая утомленья,
 Тупо глядя на часы,
 Вдруг спросил: Определенье
 Дайте точки мне росы...
 Не нарочно видно вякнул,
 С перепугу, дурачок.
 Дядя Федя только крикнул,
 Но, однако же, – молчок.
 Разговором специальным
 Вас не станем утруждать,
 О давлении парциальном²⁷
 И о прочем рассуждать.

Только в качестве приметы
 Указал я фразы те.
 Что касается предмета, –
 Вождь наш был на высоте.
 Перед этим он отчасти
 Зрил в овчинку белый свет,
 Но успел припомнить, к счастью,
 Хоть немного про предмет.
 Самого определенья
 Он тогда не знал в упор.
 (Скажем не для разглашенья:
 И не знает до сих пор.)
 «... Вы зачислены!» – И грянут
 Все оркестры. Впрочем, нет.
 Для него оркестр не станут
 Приглашать на факультет.
 Вот когда бы здесь собрали
 Весь наш будущий Сапог²⁸,
 Мы б, наверное, сыграли,
 Хоть талантов не дал Бог.
 Лишь хормейстеру²⁹ в моменте
 Всех нас выстроить в рядок, –
 Кто б не смог на инструменте,
 На бутылке верно б смог.
 Но пока нас не собрали,
 Все мы – сами по себе.
 Было б знато, мы б сыграли,
 Подыграв своей судьбе.

.....
 Впереди больших свершений,
 Тех, что двигают миры,
 Есть принятие решений
 По теории игры.
 Пусть иным смешной казаться
 Может эта сторона,
 Но из всех реализаций
 В жизни будет лишь одна.
 Пусть заверят нас: оставьте,
 В ваших играх смысла нет...
 Да, но вы себе представьте:
 Вождь идет на факультет!
 И во имя строгих целей,
 Совершая выбор в срок,
 Мы, среди других моделей,
 Разумею свой Сапог!

1975

Примечания

¹ В 7.45 начиналась пеньем горна радиопередача «Пионерская зорька».

² В Политехническом музее проводились занятия по обеспечению надежности продукции. Один из наших, Александр Михайлович Баюк, как раз перед этим защитил диссертацию (закрытую тогда) по надежности ракетных изделий.

³ Мы заканчивали физический факультет МГУ в 1954 г. Тогда прозвенели первые официальные удары по «Культу личности», который навяз у нас в зубах во время обучения. Поэтому своего друга, как бы «физорга» и как бы «культурга» по тогдашним понятиям нашего общежития (углового «сапога» в этом общежитии), которого мы сначала величали «старшиной» и «председателем артели “Красный сапог”», мы постепенно стали величать «Вождем». Это был Фаим (Федя) Измайлов. Всю свою дальнейшую жизнь (до 1 января 2006 г.) он нес нелегкое и не только вербальное, но и реальное бремя Вождя нашего коллектива друзей по курсу.

⁴ Каждую первую субботу после первой пятницы апреля наша артель «Красный сапог» встречалась под руководством Измайлова, то бишь Вождя, и проводила вместе целые сутки в совместных мероприятиях. Так было до 2006 г. 52 раза без единого перерыва!

⁵ В кабинете № 6 Политехнического музея как раз вели консультации по надежности.

⁶ Эта поэма посвящена нашему апрельскому сбору в честь 20-летия окончания физфака.

⁷ Федя Измайлов остался без отца. Его отец вместе с тестем, бывшим крупным духовным мусульманским лидером Нижегородской губернии, арестован в 1937 г. и погиб в ссылке в Нижнем Тагиле.

⁸ В то время минуло четыре года, как ввели медали, аттестаты и отдельное (мальчиков и девочек) обучение. Около половины учащихся по окраинам и пригородам Москвы, а еще больше по всей стране, уходили из школы после 7–8 классов. А высшее образование как раз начали расширять.

⁹ Пятый пункт (потом четвертый) касался национальности.

¹⁰ Будущий наш Вождь работал на заводе.

¹¹ Мы в 1975 г. еще не знали про несостоявшееся совещание по идеологическому разгрому среди физиков, которое готовилось в конце марта 1949 г.

¹² Вспоминаем 4-ю конференцию ВЛКСМ физфака в октябре 1953 г. Вместе с академиками мы (студенты и аспиранты) совершенно официально (в форме письма в ЦК КПСС) заявили о неблагополучии на физфаке МГУ – с отказом в привлечении к нашему образованию Ландау, Тамма и т. п., т. н. «идеалистов» и «космополитов».

¹³ Ядулла Юсупович Ахадов, 1924 (фактически 1925) г. р., участник ВОВ, учился на нашем курсе по квоте «национальных кадров» Азербайджана. В 1954 г. был ответственным от профкома за распределение мест в общежитии. Благодаря ему мы поселились все в одном «сапоге» 7-го этажа сектора «Б» нового главного здания МГУ.

¹⁴ Вплоть до 1955 г. по окончании физфака МГУ кроме защиты дипломной работы требовалось еще сдать госэкзамен по «общей физике».

¹⁵ Неон Александрович Арманд – уже с 1969 г. замдиректора Института радиоэлектроники АН, который размещался в старом (бывшем) здании физфака. Один из наших сокурсников, примкнувших к «Красному сапогу».

¹⁶ Цитаты из пародийной оперы «Дубинушка», которую наш «Сапог» сочинял параллельно с подготовкой к «госам».

¹⁷ Именно в 1949 г. партийные органы принимают решение ограничить доступ всяких космополитов (евреев) к «секретной и ответственной» работе, а, следовательно, и к высшему образованию.

¹⁸ Классом-гегемоном назывался пролетариат, что было, конечно, весьма сомнительно. Но не называть же гегемонами бюрократов!

¹⁹ Мы с глубоким уважением относились к мусульманским корням нашего Вождя и нашего покровителя Ядуллы Ахадова.

²⁰ Прозрачный намек на И. В. Сталина и его гениальные труды, упоминаниями о них нам прожужжали уши на лекциях по общественным дисциплинам с 1951 по 1953 гг.

²¹ Намек на известный тогда, по слухам, американский план «Дроп шот», согласно которому нас предполагалось воспитать в демократическом духе с помощью атомных бомб.

²² Заметим в духе тогдашних политзанятий: «Не будем называть имя, скажем прямо: профессор, замдекана Федор Андреевич Королев».

²³ Насчет внуков пока неизвестно, а трое из детей сапоговцев успешно окончили физфак МГУ.

²⁴ Если ответ на пятый вопрос гласил «да», шестой был на засыпку.

²⁵ Этот вопрос принципиально не труден, но можно придаться к точности формулировки и к возможным на втором часу допроса оговоркам. При данной влажности существует такая температура (точка росы), ниже которой вся влага не удерживается в воздухе и осаждается на охлажденные предметы. В школьном курсе об этом четко не говорится.

²⁶ Руководитель учебной части П. С. Саломатов, в общем-то, мужик невредный.

²⁷ Когда парциальное давление водяного пара равно упругости пара при данной температуре, вот тут-то и выступает роса... На этом примере видно, что успех ответа школьника на такие тонкие вопросы зависит от доброжелательности вопрошающего.

²⁸ Вот список всех примкнувших в разное время к нашему Сапогу: И. Г. Акопян – генеральный конструктор приборостроительного КБ «Агат»; Н. А. Арманд (см. выше); Я. Ю. Ахадов – доцент кафедры общей физики МХТИ; Л. Т. Ахазов (1931–2003) – работал в области ракетостроения; А. М. Баюк (1930–1995); Н. А. Бородин (1929–1998) – работал в области ракетостроения; Р. В. Жирнов – работал в области ракетной техники, был замдиректора КБ «Алмаз»; А. И. Ивановский (1931–2006) – д. ф.-м.н., сотрудник ЦАО в Долгопрудном; Ф. Ф. Измайлов (1931–2006) – был начальником отдела ракетного КБ «Факел»; М. Я. Каабак – главный специалист Минмедпрома по метрологии, затем школьный учитель; А. В. Кессених – ныне сотрудник ИИЕТ РАН, по прозвищу «поэт-песенник» и летописец; Б. Ф. Курьянов – заведующий лабораторией Института океанологии РАН, специалист по акустике, наш запевала и солист, лучший исполнитель бардовских песен и романсов; В. Д. Матыцин – староста курса, один из лучших математиков нашего курса, всю жизнь преподает и работает в области самонаводящейся оборонной техники, профессор, доктор наук; В. Е. Мицук (1931–1999) – доцент кафедры электроники физфака МГУ, душа нашего Сапога; Г. Г. Оксюзян – уехал в Армению, до этого посетил всего лишь два сбора, но душой всегда был с нами, работает на электронном синхротроне ЕрФИ; Г. И. Пятницкий – другой способный математик нашего курса и «парадоксальный материалист», работает в вычислительной лаборатории ракетного КБ (до последнего времени под началом Ф. Ф. Измайлова); И. Т. Трофименко – один из замечательных участников наших сборов; А. А. Чернов – по прозвищу в Сапоге «кухонный мужик» (любитель-кулинар), а вне его – член-корреспондент РАН, специалист по кристаллографии. Работает последние 10 лет за границей (в США), но изредка приезжает на наши сборы.

²⁹ У нас всегда был и есть свой хормейстер – Игорь Тимофеевич Трофименко. Он работает доцентом кафедры радиотехники физфака МГУ и ведет радиопрактикум со студентами 2-го курса всего факультета и 4-го курса радиопизического отделения.